

УДК 17+141.319.8

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_4_58

«ВОССОЕДИНЕНИЕ» ГЕРМАНИИ: ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ КУЛЬТУРЕ

Анна Маратовна Давлетшина,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
a.m.davletshina@urfu.ru

Получена 11.09.2025.

Поступила после рецензирования 10.10.2025.

Принята к публикации 11.11.2025.

Для цитирования: Давлетшина А.М. «Воссоединение» Германии: проектирование человека в постконфликтной культуре // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 4. С. 58–68. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_58

Аннотация

В постконфликтный период 1940–1980-х гг. ФРГ и ГДР столкнулись с проблемами утверждения в обществе устойчивых социальных и политических институтов, завершением исследований по нацистским преступлениям и, как следствие, необходимостью сформировать свое отношение к прошлому, что нашло отражение в разных проектах человека. При объединении Германии в 1990-х гг. вновь встала задача определения оснований для проектирования человека, которая бы объединила западных и восточных немцев. В связи с этим в статье рассматриваются практики проектирования человека в постконфликтной культуре в объединенной ФРГ для выявления основных противоречий, которые закладываются на основе «преодоления прошлого» национал-социализма и конфликта двух проектов человека – «ответственного за прошлое» немца (ФРГ) и восприятию себя как «жертвы» или «борца» с национал-социализмом (ГДР). Для этого анализируется процесс объединения в ФРГ и выявляются сложности, которые в связи с этим возникли. Отдельно рассмотрен процесс выстраивания коммуникации между западными и восточными немцами

© Давлетшина А.М., 2025

как один из элементов проекта человека в ФРГ, а также показано как трансформировался западный проект «ответственного за прошлое» немца. Делается вывод о том, что в 1990-х гг. за основу был взят западный проект человека, а проект человека ГДР был во многом нивелирован. Новая модель «истинного»/«настоящего» немца опиралась на «озвучивание» вместо «молчания» о своем прошлом (телесный уровень), основывалась на свободе как ценности и переосмыслении ответственности и вины (моральный уровень), новых художественных образах общего прошлого, создаваемых внутри ФРГ (эстетический уровень) и практик осмысления преступлений национал-социализма в форме предупреждения от повторения (когнитивный уровень).

Ключевые слова:

постконфликтная культура, проектирование человека, ФРГ, ГДР, объединение Германии, конфликт западного и восточного проектов человека

Источники финансирования:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00851, <https://rscf.ru/project/23-18-00851/>

UDC 17+141.319.8

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_4_58

THE “REUNIFICATION” OF GERMANY: MAN-MAKING PROJECT IN POST-CONFLICT CULTURE

Anna M. Davletshina,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
a.m.davletshina@urfu.ru

Received 11.09.2025.

Revised 10.10.2025.

Accepted 11.11.2025.

For citation: Davletshina, A.M. (2025). The “Reunification” of Germany: Man-Making Project in Post-Conflict Culture. *Discourse-P*, 22(4), 58–68. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_4_58

Abstract

In the decades following World War II, both West Germany (FRG) and East Germany (GDR) faced the challenge of establishing stable social and political institutions, confronting Nazi crimes, and coming to terms with their shared past. Each state developed its own man-making project as part of this process. After German reunification in the 1990s, they once again had to tackle the question of how to define a common foundation for man-making – one that could bring together Western and Eastern Germans. This article explores man-making practices in the post-conflict culture of unified Germany, focusing on the key contradictions that resulted from efforts to “overcome” the legacy of National Socialism. It examines the clash between two competing man-making projects: the West German model of the “individual responsible for the past” and the East German view of oneself as either a “victim” or a “resister” of National Socialism. The study examines the reunification process in the FRG and the challenges it brought, with a special focus on how communication between Western and Eastern Germans was fostered as a key part of the FRG’s man-making project. It also explores how the Western model of the “individual responsible for the past” was transformed. The conclusion is made that in the 1990s, the Western man-making project became the dominant model, while the GDR’s version was largely sidelined. The new model of the “authentic” or “true” German was grounded in “speaking out” rather than remaining silent about one’s past (bodily level), in freedom as a core value and a rethinking of responsibility and guilt (moral level), in new artistic representations of the shared past produced within the FRG (aesthetic level), and in practices of confronting Nazi crimes as a warning against their recurrence (cognitive level).

Keywords:

post-conflict culture, man-making project, FRG, GDR, German reunification, conflict between Western and Eastern man-making projects

Funding:

the research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00851, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00851/>

Введение

Падение Берлинской стены и подписание договора об объединении Германии в 1990 г. стало знаковым событием не только для немецкого народа, но и повлияло на международные отношения. Предполагалось, что интеграция пройдет быстрее, если бывшая ГДР (Германская Демократическая Республика) войдет в ФРГ (Федеративная Республика Германия). На практике объединение Германии стало сложным восстановительным процессом, продемонстрировавшим, что за более чем сорок лет сформировались две разные культуры

с отличающимися проектами человека – «ответственного за прошлое» немца и признающего коллективную вину за преступления национал-социализма Третьего Рейха в ФРГ (Давлетшина, 2023), и немца – «жертвы» и «борца» с национал-социализмом как порождением немецкого милитаризма в ГДР. Вместе с этим объединение ФРГ и ГДР выступило катализатором не только для возобновления дискуссий о Первой и Второй мировых войнах и роли Германии в них, но и для обращения к вопросу о национальной идентичности. Возвращение к неразрешенным конфликтам и попытка преодолеть новый конфликт привели к актуализации поиска ответа на вопрос: кто такой «немец»?

Постконфликтное восстановление является сложным процессом. А. А. Лазаревич отмечает, что «постконфликтность в самых общих чертах можно трактовать <...> как состояние снятого, преодоленного конфликта <...> как состояние вытесненной конфликтности, в котором сфера проявления конфликтов ограничена такими защитными мерами, что фактор конфликтности явно или условно исключается из социальной рефлексии и практики социального проектирования <...> как социальный механизм, в котором обеспечен эффективный менеджмент среды проявления конфликтности, т. е. конфликтный фактор осознается и учитывается в проектной деятельности, встраиваясь в нее так, чтобы не мешать достижению целей» (Лазаревич, 2019, с. 60). А. Ф. Нагайчук, рассматривая социальные технологии урегулирования конфликтов, выделяет основные направления миротворчества в сфере международных отношений: поддержание мира, достижение мира или перемирия (миросозидания) и миростроительство (постконфликтный период). При этом, говоря о миростроительстве, он отмечает, что для него характерны восстановление инфраструктуры, нормализация отношений, стратегия и тактики мирного сосуществования, миротворчество и миротворческие миссии как долговременные проекты, направленные на изменение сознания и внедрение мирных стереотипов восприятия и образов сотрудничества (Конфликтология, 2022, с. 274). В этом плане постконфликтное миростроительство не включает многие аспекты культуры. В философском смысле культура сопоставима с основными формами бытия (человеком, обществом, природой) и предстает как такая форма бытия, которая образуется человеческой деятельностью (Каган, 1996, с. 36). Постконфликтная культура включает в себя не только установление новых социальных институтов и устранение насилия, но и все виды и результаты деятельности человека. А проектирование представляет собой акт духовно-преобразовательной деятельности.

В исследовательской практике объединению Германии посвящено значительное число работ, рассматривающих политические, экономические и юридические (Э. Бланкенбург, Д. Штаге, Б. Майсснер, М. Бьёик, Х. Кёниг, Е. Лёзина, и другие), исторические и культурные (А.И. Борозняк, Ю. Кока, К. Дикман, К. Кайзер и другие) аспекты процесса. Отдельно можно отметить работы, в которых осуществляется попытка целостного исследования данного феномена, а именно работы Фр. Вилмара, Плато А. фон., О. Ференбаха. Если говорить об изучении постконфликтного мироустройства и постконфликтной культуры, можно отметить таких исследователей, как А. Ф. Нагайчук, Е. С. Черепанова, П. Боянич. В плане рассмотрения отдельных элементов проектирования человека в ФРГ

и ГДР важными представляются работы М.С. Потёмкиной, М.В. Хорольской, А.И. Гущиной, Е.С. Черепановой.

В статье предполагается рассмотреть процесс проектирования немца в объединенной ФРГ в 1990-е гг. для выявления основных противоречий, которые закладываются на основе «преодоления прошлого» национал-социализма и конфликта двух проектов человека: ФРГ и ГДР. Для этого будут изучены основания и процесс объединения в ФРГ и те сложности, которые возникли. Далее будет исследован процесс выстраивания коммуникации между западными и восточными немцами, как один из элементов проекта человека в ФРГ, а также будет показано как изменился проект «ответственного за прошлое» немца.

Мы – единый народ? Конфликт западного и восточного проектов человека

Немецкое воссоединение (Deutsche Wiedervereinigung) или восстановление единства Германии (Herstellung der Einheit Deutschlands) произошло 3 октября 1990 г. после более сорока лет существования двух государств отдельно: ФРГ и ГДР. Объединение произошло на основании Конституции ФРГ (Основного закона от 1949 г.), которая давала основания присоединения немецких земель к ФРГ. В итоге ГДР перестало существовать как самостоятельное государство и вошла в ФРГ в статусе отдельных земель. В немецком обществе объединение Германии было воспринято по-разному. Как на Западе, так и на Востоке звучали призывы к объединению, но в процессе объединения и на протяжении 1990-х гг. у западных и восточных немцев все больше стало формироваться осознание принципиальных различий. Звучали фразы об аншлюсе ГДР, так как в реальности не произошло создания новых институтов, которые бы включали практики обеих стран, а были деконструированы восточнонемецкие институты и распространены западнонемецкие правовые нормы и институты. Это ощущалось как подвержение сомнению «немецкого» в восточном немце.

Описывая период, который последовал после объединения Германии, Ю. Кока пишет, что объединенная Германия не являлась просто продолжением прежней Федеративной Республики. В этом государстве возникли новые зоны напряжения, но решение задач ориентации оказалось затрудненным (1995, S. 189). Ценностные ориентиры восточных немцев оказались разрушенными, а в правовом и политическом поле необходимо было теперь доказать, что ты являешься немцем.

Объединение должно было привести к положительным изменениям и ощущению целостности немецкого народа, но оно поставило новые проблемы и вопросы, отношение к которым было в обществе разным. В течение первых нескольких лет в немецком обществе стало проявляться влияние образовавшихся стереотипов и начала формироваться напряженность между западными и восточными немцами. В ряде исследований объединение Германии стало рассматривается как «стресс» (Wendestress) (Schmitz, 1995) и «кризис» (Vereinigungskrise) (Kocka, 1995), что проявилось, например, как ностальгия по времени до объединения («вестальгия» и «остальгия»).

Наиболее ярко ностальгия по прошлому проявилась в среде восточнонемецкой интеллигенции. Объединение Германии было многими воспринято как «аншлюс» ГДР и ярко проявилось в литературе: «романе поворота» (Wendeliteratur, Wenderoman). Писатели показывали состояние человека, сформировавшегося в ГДР, привыкшего к скрытости и ставшего чересчур свободным, получившим новую реальность практически «не выходя из квартиры». Обесценивание восточногерманской культуры, страх перед свободой и рефлексия о своей идентичности – все это проявилось в романах Йиргля, П. Шнайдера, Г. Гросса, В. Хильбига и других. Р. Йигль в интервью говорит: «Я пишу не для того, чтобы найти себе место в какой-то уже зарекомендовавшей себя системе координат, скорее, наоборот, мне важно из (обрести) из двух реальностей «Я» и «Другого» – этого поля конфликтов и напряжения человека – свой собственный текстуальный порядок (в орфографии и пунктуации)» (Kammler, 2007, S. 24).

К. Дикман о противостоянии Запада и Востока и «поглощении» последнего отмечал, что в обществе наблюдалась такая реакция на происходящие изменения как молчание: на Западе – это безмолвие, которое граничит с презрением, а на востоке Германии – как замыкание в себе, что представляет собой реакции, характерные для депрессии (Dieckmann, 1998). В романе Г. Ноймана «Расчет» («Anschlag») можно увидеть, как эти «тишина» и «молчание» представлены. Главный герой произведения (восточный немец) принимает решение «заботиться о чистоте молчания», что проявляется в том, что слова, используемые в беседе с западнонемецким собеседником, подвергаются героем фильтрации, проверяясь на соответствие их обозначаемому: правдивость и достоверность. В этом романе Нойман «говорит о невозможности немецкого-немецкого диалога, поскольку любая коммуникация восточного и западного немца априори будет отягощена недосказанностью и предположениями, не находящими подтверждения или опровержения, а также имплицитными обвинениями» (Потёмкина, 2019, с. 148).

Так как ГДР упразднилось в качестве самостоятельного государства и вошло в ФРГ в виде отдельных земель, то пересмотр проекта «немца» становился неизбежным. Даже ранее сформированный проект «ответственного немца» в ФРГ в 1940–1980-х гг. не мог выполнять те задачи, что ставило перед собой немецкое государство, а именно: выступать на международной политической арене как равноправный сильный участник. Поэтому, хотя и не произошло отказа от «ответственного немца» полностью, но случилось переосмысление оснований проекта. Переосмысление нашло даже интересное отражение в появившемся термине «победно-западнонемецкий» (siegewestdeutsch), как обозначение языка, которым разговаривает победитель с побежденными (Gassert, 2001, S. 67). Западный немец ощущал себя именно так: как победитель, который не только преодолел прошлое, но и строит объединенное свободное будущее. Отсюда модель политического и социального устройства ФРГ является правильной и ценности немецкого общества (критическое мышление, либерализм, демократия и уважение к правам человека) должны быть приняты восточным немцем, который не осуществил рефлексии над национал-социалистическим прошлым. В данной логике только «тот, кто берет на себя последствия, объявляет себя свободным» (Рикёр, 2002, с. 579), так как он видит эту свободу и в неправильных действиях, и может показать этот путь другим. Западный немец прошел

этот путь от вины к признанию ответственности, тем самым конституируя себя как свободного. Но примечательным является высказывание Г. Обенауса, который отмечает: «Замещение памяти о национал-социализме памятью о ГДР может привести к тому, что одна часть немцев будет освобождена от обременительного прошлого», а жители Восточной Германии «будут тащить на себе двойной груз национал-социализма и режима СЕПГ» (Борозняк, 2023, с. 267).

«Мы – единый народ»: проектирование через память

Объединение Германии в начале 1990-х гг. было широко обсуждаемо не только интеллектуалами, но и среди немецкого общества в целом. Примечательным стало то, что, как отмечал А. Шильдт, дискуссии о нацистском прошлом не переместились в «замкнутое пространство исследовательских центров» (Schildt, 2000, S. 1211). Наоборот, обсуждение прошлого национал-социализма стало основой для споров о перспективах будущего Германии, о том, возможно ли сохранить принципы демократического, социального и правового государства.

В январе 1995 г. издательство Ауфбау (Aufbau) анонсировало выпуск дневников 1933–1945 гг., принадлежащих ученому-филологу В. Клемпереру, где была показана повседневность Третьего рейха. В августе 1996 г. в Германии был опубликован перевод монографии Д. Голдхагена «Добровольные подручные Гитлера». Книга вызвала в ФРГ шок не только в среде интеллектуалов, но и в общественном сознании, так как вновь был поднят вопрос о повседневности насилия и личной ответственности каждого немца в период национал-социализма. М. Шнайдер отмечал, что дебаты об этой книге «помогают понять, насколько заблуждаются все те, кто, воодушевляясь состоявшимся объединением Германии, полагают, что страна может выйти из тени прошлого» (Schneider, 1997, S. 25).

Одним из наиболее важных и резонансных событий 1990-х годов стала документальная выставка «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1944 гг.», которая проводилась с 1995 по 1999 гг. в более чем тридцати городах Германии. Выставка была подготовлена Гамбургским институтом социальных исследований в рамках проводимых исследований по теме «Вермахт и нацистские преступления». К.-Х. Янсен в «Ди Цайт» (Die Zeit) пишет: «С каждой стены, из каждого угла на нас смотрит слово «убийство»... Они, наши отцы и деды, знали или могли знать о том, что происходит. Пришло время вспомнить... Открывается ужасающая правда, которая... никак не могла прорваться к германской общественности сквозь стену согласованного замалчивания» (Aly, 2005, S. 318).

Выставка вызвала неоднозначные реакции (от негодования до благодарности), но вместе с этим продемонстрировала определенную готовность немецкого общества к обсуждению острых тем. Можно говорить о том, что судебные процессы 1940–1970-х гг. на территории ФРГ заложили основу для дальнейшего переосмысления и реализации проекта «ответственного немца». Но немца, уже как свободного от неприятия себя, своей ответственности, а также выходящего из «молчания» к «проговариванию» своего прошлого, что становилось в том числе важным инструментом и при преодолении «молчания» как невидимой границы между западными и восточными немцами. Если ранее вина принималась

как что-то прививаемое другими, то теперь она стала предметом внутренней рефлексии большинства, а не только интеллектуалов. Немцы начали осознавать опасность сохранения молчания, а реакция на выставку стала отражением общественного сознания.

Заключение

В постконфликтный период ФРГ и ГДР столкнулись с рядом проблем, которые было необходимо решать. Несмотря на то, что основания переосмысления были общими – Вторая мировая война – страны пришли к разным проектам человека. В ФРГ, как правопреемнике Третьего Рейха, осуществлялся проект «ответственного за прошлое» немца, базирующийся на критическом мышлении, свободе и признании ценности человека. В ГДР проект человека частично был продолжением советского социалистического проекта, значимости коллектива и восприятию себя как «жертвы» или «борца» с национал-социализмом. При объединении ФРГ и ГДР встала задача определения оснований для проектирования модели человека – «истинного»/«настоящего» немца, который бы объединил западных и восточных немцев. В этом плане за основу был взят западный проект человека, а проект ГДР был во многом нивелирован.

На *телесном уровне* основанием проектирования человека стало преодоление практик «молчания» и «вытеснения» к «проговариванию» – немец в воссоединенной Германии может свободно говорить о своем прошлом, что освобождает его от тяжести, возвращает возможность дышать. В свою очередь, на *моральном уровне* происходило дальнейшее утверждение свободы как ценности и, вместе с этим, произошло переосмысление ответственности и вины. В новый проект закладывался особый вид ответственности – обучении у прошлого, а не моральное оценивание и обвинение; сохранение памяти о прошлом, а не забвение. На *эстетическом уровне* были сформированы новые художественные образы общего прошлого, создаваемые внутри ФРГ, а не предлагаемые странами-победительницами. Например, проект «Камни преткновения» художника Г. Демнинга, начавшийся в 1990-м г., заставлял прохожего «запнуться» о табличку с именем погибшего в концлагере еврея или цыгана и задуматься, осознать реальность этого прошлого. А выставка «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941–1944 гг.» стала поиском баланса между художественной выразительностью и объективным информированием о прошлом. На *когнитивном уровне* происходил поиск новых способов исследования и недопущение одностороннего подхода к национал-социалистическому прошлому.

Список литературы

1. Борозняк, А. (2023). *Жестокая память: Как Германия преодолевает нацистское прошлое*. М.: Альпина Паблишер.
2. Боянич, П. (2023). Война и прекращение насилия: проектирование справедливых институтов. *Дискурс-Пи*, 20(3), 156–167. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_156

3. Давлетшина, А. М. (2024). Проектирование «ответственного за прошлое» немца в ФРГ в 1950–1980-е годы: этические и правовые аспекты. *Вестник Пермского университета. Серия: История*, 3(66), 111–123. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-3-111-123>
4. Каган, М. С. (1996). *Философия культуры*. СПб.: ТОО ТК «Петрополис».
5. Лазаревич, А. А. (2019). Современный мир с позиций постконфликтности. *Философия политики и права*, 10, 60–70.
6. Потёмкина, М. С. (2019). Объединение Германии как опыт «социокультурной травмы». В Н. С. Бабенко, Н. А. Бакши (Ред.), *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов* (Т. 16, с. 146–156). М.: РГГУ.
7. Рикёр, П. (2002) *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: «канон-пресс-Ц»; «Кучково поле».
8. Стребков, А. И. (Ред.). (2022). *Конфликтология*. СПб.: СПбГУ.
9. Черепанова, Е. С. (2023). Философско-антропологические основания немецкой педагогики мира: трансформация основных понятий и подходов. *Дискурс-Пи*, 20(3), 121–137. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_121
10. Aly, G. (2005). *Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
11. Dieckmann, Ch. (1998). *Das wahre Leben im Falschen. Geschichten von der ostdeutschen Identität*. Berlin: Ch.Links Verlag, 1998.
12. Gassert, Ph. (2001). Die Bundesrepublik, Europa und der Westen. Zur Verwestlichung, Demokratisierung und einigen komparativistischen Defiziten der zeithistorischen Forschung. In *Geschichte ist immer Gegenwart: Vier Thesen zur Zeitgeschichte*, Jörg Baberowski, Eckart Conze, Philipp Gassert und Martin Sabrow (hrsg), Stuttgart/München: DVA.
13. Kammler, C., & de Winde, A. (2007). “Schreiben – das ist meine Art, in der Welt zu sein”. Gespräch in Briefen mit Reinhard Jirgl. In: David Clarke / Arne de Winde (Hg.): *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesarten, Kontexte*. Amsterdam/New York, S. 21–59.
14. Kocka, J. (1995). Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
15. Schildt, A. (2000). Abschied vom Westen? Zur Debatte um die Historisierung der “Bonner Republik”. *Blätter der deutschen und internationalen Politik*, 45, 1207–1218.
16. Schmitz, M. (1995). *Wendestress. Die psychosozialen Kosten der deutschen Einheit*. Rowohlt. Berlin Verlag, Berlin.
17. Schneider, M. (1997). Die “Goldhagen-Debatte”: ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft. Bonn.

References

1. Aly, G. (2005). *Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus*. Frankfurt am Main: S. Fischer.
2. Bojanic, P. (2023). *Vojna i prekrashhenie nasiliya: proektirovanie*

spravedlivy`x institutov [War and Cessation of Violence: Designing Just Institutions]. *Discourse-P*, 20(3), 156–167. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_156

3. Boroznyak, A. (2023). *Zhestokaya pamyat': Kak Germaniya preodolevaet natsistskoe proshloe* [Cruel Memory: How Germany overcomes the Nazi Past], Moscow: Al`pina Publisher.

4. Cherepanova, E.S. (2023). *Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya nemeczkoy pedagogiki mira: transformaciya osnovny`x ponyatij i podxodov* [Philosophical and Anthropological Foundations of the German Peace Pedagogy: Transformations of Key Concepts and Approaches]. *Discourse-P*, 20(3), 121–137. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_3_121

5. Davletshina, A.M. (2024). *Proektirovanie "otvetstvennogo za proshloe" nemcza v FRG v 1950–1980-e gody`: e`ticheskie i pravovy`e aspekty`* [Fostering responsibility for the past among citizens in the Federal Republic of Germany from the 1950s to the 1980s: ethical and legal aspects]. *Perm University Herald. History*, 3 (66), 111–123. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2024-3-111-123>

6. Dieckmann, Ch. (1998). *Das wahre Leben im Falschen. Geschichten von der ostdeutschen Identität*. Berlin: Ch.Links Verlag, 1998.

7. Gassert, Ph. (2001). Die Bundesrepublik, Europa und der Westen. Zur Verwestlichung, Demokratisierung und einigen komparativistischen Defiziten der zeithistorischen Forschung. In *Geschichte ist immer Gegenwart: Vier Thesen zur Zeitgeschichte*, Jörg Baberowski, Eckart Conze, Philipp Gassert und Martin Sabrow (hrsg), Stuttgart/München: DVA.

8. Kagan, M.S. (1996). *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. Sankt Petersburg: TOO TK "Petropolis".

9. Kammler, C., & de Winde, A. (2007). "Schreiben – das ist meine Art, in der Welt zu sein". Gespräch in Briefen mit Reinhard Jirgl. In: David Clarke / Arne de Winde (Hg.): *Reinhard Jirgl. Perspektiven, Lesarten, Kontexte*. Amsterdam/New York, S. 21–59.

10. Kocka, J. (1995). Vereinigungskrise. Zur Geschichte der Gegenwart. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

11. Lazarevich, A.A. (2019). *Sovremennyj mir s pozicij postkonfliktnosti* [The modern world from the perspective of post-conflict]. *Philosophy of Politics and law*, 10, 60–70.

12. Potemkina, M.S. (2019). Ob"edinenie Germanii kak opyt "sociokul'turnoj travmy" [German Unification as an experience of "socio-cultural trauma"]. In N.S. Babenko, & N.A. Bakshi (Eds.), *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* (Vol.16, pp. 146–156). Moscow: RGGU.

13. Ricoeur, P. (2002). *Konflikt interpretacij. Oчерki o germenевtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow: "kanon-press-C"; "Kuchkovo pole".

14. Schildt, A. (2000) Abschied vom Westen? Zur Debatte um die Historisierung der "Bonner Republik". *Blätter der deutschen und internationalen Politik*, 45, 1207–1218.

15. Schmitz, M. (1995). *Wendestress. Die psychosozialen Kosten der deutschen Einheit*. Rowohlt. Berlin Verlag, Berlin.

16. Schneider, M. (1997). Die "Goldhagen-Debatte": ein Historikerstreit in der

Mediengesellschaft. Bonn.

17. Strebkov, A.I. (Eds.) (2022). *Konfliktologiya* [Conflictology]. Sankt Petersburg: SPbGU.

Информация об авторе

Анна Маратовна Давлетшина, старший преподаватель кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0077-1377>; e-mail: a.m.davletshina@urfu.ru

Information about the author

Anna Maratovna Davletshina, Senior Lecturer, Chair of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0077-1377>; e-mail: a.m.davletshina@urfu.ru
